

СЕРГЕЙ ШЕВЧЕНКО*

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В НАУКЕ МЕЖДУ ВООБРАЖАЕМОЙ ПУБЛИКОЙ И ВООБРАЖАЕМЫМИ УЧЕНЫМИ**

Получено: 20.09.2022. Рецензировано: 21.10.2022. Принято: 24.11.2022.

Аннотация: Представления о возможностях ценностно нейтральной или хотя бы неангажированной научной экспертизы часто строятся на отделении суждений о фактах от суждений о ценностях. Деятельность этических, в частности биоэтических, комитетов показывает, что такое разделение обречено на провал. Эти комитеты призваны регулировать получение нового научного знания через апелляцию ко вненаучным, неэпистемическим ценностям. Вынося регулятивные суждения, комитеты оказываются на острие противоречия между когнитивной демократией и эпистемическим неравенством. Они обязаны представлять интересы публики, защищая ее достоинство и свободы от возможных злоупотреблений со стороны исследователей. Вместе с тем комитеты, проводя внутренний суд над этической допустимостью исследовательских проектов, остаются частью научных групп и институтов. Однако сами ученые зачастую мыслятся членами этических комитетов как обладающие неполным, дефицитным представлением об общественном благе. Комитеты обнаруживают себя в поле конфликтов между эпистемическими дефицитами воображаемой публики и этическими дефицитами воображаемых ученых. При этом противодействие такой двойной дефицитной логике может приобретать формы этической абстиненции, отключающей возможности ценностно нагруженного воображения. В то же время сам такой отказ идеологически ангажирован. Программа критики форм жизни рассматривается в статье как задающая общую перспективу сочетания представительства с возможностями нормативного суждения. Такое сочетание особенно актуально в свете продолжающихся дебатов о моральном биоулучшении и редактировании человеческого генома, поскольку оба направления биомедицинских изысканий предполагают биотехнологическую и социальную трансформацию форм человеческой жизни.

Ключевые слова: этическая экспертиза, ценностная нейтральность, воображаемая публика, общественное благо, редактирование генома, формы жизни.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-299-316.

*Шевченко Сергей Юрьевич, к. филос. н, исследователь; Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), simurg87@list.ru, ORCID: 0000-0002-7935-3444.

**© Шевченко, С. Ю. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» в Русском обществе истории и философии науки.

ВВЕДЕНИЕ

Рассуждения о миссии ученого часто строятся вокруг образа ценности нейтральной науки. Такого рода нейтральность может в более мягких вариантах пониматься как ограничение нормативного измерения только познавательными, эпистемическими ценностями (Betz, 2013), как отсутствие политической ангажированности (Тухватулина, 2021) или как следование зафиксированным в документах нормам исследовательской добросовестности (Desmond & Dierickx, 2021).

Прямое обращение ученых к этическим ценностям, апелляция к ним при принятии экспертных решений рассматривается сторонниками мягкой ценностной нейтральности как результат пробелов в научном знании, существование неопределенностей в ключевых вопросах, нехватки времени для установления научного консенсуса. Однако деятельность этических комитетов, регулирующих проведение биомедицинских исследований, позволяет отвести все эти возражения. Содержание биоэтических дискуссий выпукло демонстрирует, что проблема ценностей — это существенный элемент современной постнеклассической науки.

В качестве показательного примера здесь можно привести обсуждение инициативы по редактированию человеческого генома российским биотехнологом Денисом Ребриковым, состоявшееся в Институте философии РАН в 2019 году. Споры между сторонниками Ребрикова и его основными оппонентами, врачами-генетиками, разумеется, касались и возможных рисков репродуктивного редактирования генома. Тем не менее смысловым ядром обсуждения оказался сугубо ценностный вопрос о качестве жизни людей, страдающих наследственной глухотой. Дело в том, что семейные пары, в которых оба партнера страдают этим наследственным заболеванием, это главные потенциальные «пользователи» технологии (Sutanoski, 2019). Аргумент врачей-генетиков состоял в том, что использование кохлеарных имплантов позволяет компенсировать наследственную глухоту — в этом отношении существует медицинский консенсус. То есть спор касался не истолкования футурологических образов из фильма «Гаттака» или метафоры «человеческого зоопарка» П. Слотердайка, а вполне конкретных вопросов оценки состояния людей, страдающих наследственным заболеванием, и потребности в редактировании человеческого генома как способа предотвратить это заболевание¹. Аргумент от кохлеарных имплантов, направленный

¹Вероятно, может быть предложено отнести это обсуждение не к сфере научной рациональности, имеющей дело с истиной, а к сфере разработки технологий, направ-

против разработки редактирования генома, включает в себя два оценочных момента. Во-первых, пациенты не понимают своего состояния и способов его нормализации. А во-вторых, экспериментаторы готовы использовать надежду на выздоровление, коренящуюся в непонимании больными своего состояния.

Эта биоэтическая дискуссия, как и многие другие, разворачивалась в пространстве между оценкой этических интенций экспериментаторов и представлением о знании возможных «потребителей» разрабатываемой биомедицинской технологии о ее эффектах. Этические комитеты, которые представляют собой институционализированные коллективы для проведения такого рода дискуссий, как правило, состоят из врачей, биотехнологов, юристов, специалистов по биоэтике и представителей пациентских организаций. Несмотря на то что в лице последних там оказывается представлена публика, общественность, а в лице первых — те, кто говорит на одном языке с экспериментаторами, этический комитет всегда балансирует между осуждением неполноты знания публики и излишней моральной гибкостью экспериментаторов. Эта неустойчивость, часто предстающая как попытка уравновесить две дефицитные модели, вызвана необходимостью сочетать «представительную» и «судебную» функции в работе этических комитетов. Такое сочетание характерно и для иных субъектов, институционально воплощающих ценностное измерение науки, — советов по оценке научной добросовестности, инклюзивности и равенства в науке. Более того, указание на эпистемические дефициты публики и этические дефициты специалистов характерно для многих современных экспертных дискурсов.

«СУДЕБНАЯ» И «ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ

Проведение биомедицинского исследования с участием людей практически в любой стране требует согласования с этическим комитетом.

ленных на то, чтобы приносить пользу. Но вопросы истины и пользы в данном случае вряд ли могут быть сформулированы строго изолированно. Технологическое воздействие на человеческий организм — основной способ получения научного медицинского знания. Весомая часть этого знания состоит в определении преимуществ и недостатков одного способа воздействовать на организм над другим: препарата А по сравнению с препаратом В или репродуктивного редактирования генома по сравнению с использованием кохлеарных имплантов. В этой связи современная биомедицина может служить любопытной иллюстрацией эпистемических представлений о том, что знание-что — это лишь вариант, частный случай знания-как (Hetherington, 2011).

Основа для такого решения — документы, относящиеся к жесткой (законы, подзаконные акты) или мягкой (этические кодексы) формам регулирования.

Раньше всего такие комитеты институционализировались в англоязычном мире: в США, Австралии и Британии. В этих же странах периодически проходят дискуссии о роли этических комитетов, о способах применения их — часто достаточно широких — полномочий. Например, в Австралии институциональные этические комитеты, созданные при университетах и клиниках, могут одобрить проведение исследования, дизайн которого не соответствует законам об охране частной жизни (National Statement on Ethical Conduct..., 2007: Chapter 2.3). Разумеется, такое решение будет впоследствии проверено центральным контролирующим органом в сфере биоэтики и уполномоченным по охране частной жизни. Однако довольно широкая свобода нормотворчества, которой наделен каждый этический комитет, считается залогом быстрого развития биотехнологий. В частности, благодаря ней быстро развиваются биобанки, считающиеся основными «инкубаторами» современной персонализированной медицины (Chalmers, 2015). С другой стороны, этические комитеты дорожат общественным и институциональным доверием, поэтому склонны к более рестриктивному регулированию, чем можно ожидать, исходя из их уровня свободы принятия решений (Gillott, 2014).

Итак, основная функция этических комитетов может быть названа «судебной»: она состоит в проверке соответствия предложенного исследования принятым биоэтическим нормам. Однако чем большей новизной обладает дизайн этого исследования, тем большую роль играет нормотворческая сторона деятельности комитета. При этом, выступая как «законодатели», члены комитета ощущают себя представителями общественных интересов. Как «судьи» они чаще всего оценивают, насколько суть исследования, в котором испытуемым предлагается участвовать, будет им ясна. Такое обсуждение строится вокруг воображаемой публики с характерными для нее ошибками истолкования специальных терминов и сути медицинских процедур. Как «законодатели» и «представители» члены комитетов чувствуют себя призванными осуществлять этическую коррекцию образа медицинской науки, предлагаемого исследователями. В таком случае дискуссия строится вокруг воображаемого ученого с характерными для него слепыми зонами в сфере этики и в области возможных социальных значений генерируемых им знаний и технологий.

Равновесие между «судебным» и «законодательным» измерением довольно зыбко, и периодически звучат предложения по его укреплению. Существует мнение, что принцип разделения властей должен соблюдаться и в работе этических комитетов. Соответственно, нужно оставить за ними только «судебные» функции. Все остальное: и процедура этической оценки, и практическое значение нормативных положений кодекса — уже якобы предусмотрено его авторами-«законодателями» (Moore & Donnelly, 2018: 481). Соответственно, необходимо элиминировать любое упоминание об этике из обозначения функций комитетов. Их деятельность должна заключаться в ценностно нейтральной проверке соответствия исследования уже зафиксированным нормам (*ibid.*: 486). Впрочем, эти предложения легко могут быть отвергнуты через апелляцию к реальным практикам принятия решений в этических комитетах. Философ С. Тулмин, опираясь на опыт биоэтической комиссии при Конгрессе США, пишет, что само по себе практическое решение не вызывало таких бурных дискуссий, как способ его обоснования благодаря биоэтическим принципам. То есть комиссия быстрее приходила к единству относительно необходимости разрешить или запретить определенное биомедицинское исследование, чем соглашалась в конкретном истолковании правил, позволяющем обосновать это решение (Toulmin, 1981).

Более свежие примеры из области судебного регулирования новых биотехнологий также показывают, что даже самые детально прописанные регламенты не способны содержать ни полной процедуры оценки, ни исчерпывающего толкования нормативных положений. Так, американский и австралийский суды запретили патентование человеческих генов в 2013 и 2015 годах соответственно. Несмотря на близость норм патентного права, обоснование этих решений было различным. Американские суды указали, что такая фиксация прав интеллектуальной собственности невозможна, так как гены — это природные объекты. Их австралийские коллеги, в свою очередь, указали, что нельзя патентовать информацию, к возникновению и функционированию которой не причастен заявитель (Lai, 2016). Последовавшие за этими решениями социологические исследования доступности ранее запатентованных продуктов представляют собой свидетельство, разумеется косвенное, в пользу того, что одна из главных целей принятых решений принадлежала к сфере общественного блага. Стоит отметить, что по сравнению с судьями члены этического комитета оказываются в гораздо

более сложном положении, поскольку они вынуждены регламентировать сферу перспективных научных исследований, движение к еще не существующим технологиям.

Этот внутренний конфликт между нормоприменением и нормотворчеством погружает нас в широкий круг вопросов философии права, связанных с судебным усмотрением и возможностью новых трактовок закона или отказа судьи от его применения в имеющихся обстоятельствах (Кржевов и Тухватулина, 2019; Klatt & Schmidt, 2012). Также крайне актуален он и для политической философии: интерес представителя кембриджской школы интеллектуальной истории Джона Покока к мысли Макиавелли в значительной степени обусловлен этим контекстом. Если некоторая проблема возникает впервые и невозможно применить к ней определенную норму, Макиавелли советует правителю подождать, пока не появится несколько схожих конфликтных ситуаций, и затем уже установить правило в соответствии со своим благоразумием (Rosock, 2016).

Специфика принятия решений этическим комитетом как раз и заключается в том, что он имеет дело с научными исследованиями, то есть с принципиально новым, недоступным в точке принятия решения знанием. Развитие биомедицины постоянно ставит этические комитеты в ситуацию, когда они имеют дело с новыми объектами оценки, предусмотреть существование которых не способны даже самые прозорливые авторы этических кодексов. Соответственно, этический комитет обречен и на проверку соответствия уже существующим нормам, и на вынесение самостоятельных ценностных суждений. А значит, он постоянно находится в поле напряжения между воображаемой публикой и воображаемыми учеными.

При этом, как показывают казусы с судебным запретом патентования генов, любая попытка очистить деятельность регулятора от представительских функций (Moore & Donnelly, 2018), оставив за ним только судебные, вряд ли может избавить от указанного противоречия. А исследование Тулмина демонстрирует, что этический комитет и не способен ограничиться простой проверкой соответствия заявленного исследования этическому кодексу. Более умеренная версия очистки работы комитетов от необходимости давать этическую оценку также не выглядит решением проблемы. Британский специалист по биоэтике С. Холм указывает, что этические комитеты не являются семинарами по моральной философии, проясняющими природу блага. Поэтому он

видит их деятельность в одобрении этически приемлемых исследований, при этом они не обязаны приводить к наилучшим последствиям с моральной точки зрения (Holm, 2018). Однако если члены комитета ограничатся минимальными критериями приемлемости, они могут одобрить любое исследование, не причиняющее прямой вред испытуемым и не предполагающее их принуждение к участию. Под эти широкие критерии подходит и печально известное исследование сифилиса в городе Таскиги (Алабама, США), участники которого с 1932 по 1972 год не получали надлежащего лечения этого заболевания. Испытуемые принадлежали к числу бедных жителей афроамериканских кварталов города. Наблюдая за ними, организаторы эксперимента описывали естественное течение сифилиса. При этом испытуемых не принуждали к участию, им не запрещали обращаться и за медицинской помощью. Однако экспериментаторы старались предотвратить обращение испытуемых за медицинской помощью (Reverby, 2001: 24), не делая этого прямо — скорее вводя в заблуждение, чем впадая в откровенную ложь². Сегодня исследование в Таскиги является одним из самых известных биоэтических казусов.

Если бы некий этический комитет руководствовался требованием минимальной приемлемости и к нему поступила бы заявка на проведение схожего исследования, члены комитета вынуждены были бы представить намерения экспериментаторов и знания испытуемых для того, чтобы оценить вероятность вреда для здоровья от отсутствия лечения. То есть для оценки такого исследования важно представлять, насколько далеко могут пойти экспериментаторы в желании изучить естественное течение болезни и насколько широки знания испытуемых об их состоянии, насколько они готовы доверять людям в белых халатах.

Сколь бы ограниченными функциями ни наделялся этический комитет, все равно его члены вынуждены находиться между воображаемой публикой и воображаемыми учеными. Все равно их «судебные» решения предполагают представительство.

²Прочертить тонкую грань между «лгать» и «вводить в заблуждение» помогает та же кантианская традиция, которая акцентирует внимание на автономии. В публичном дискурсе это различие было артикулировано адвокатом Билла Клинтона во время сексуального скандала Белом Доме (подробнее см. Sandel, 2009).

ВООБРАЖАЕМАЯ ПУБЛИКА

В широко обсуждаемой философами и социологами науки, а также биоэтиками статье STS-специалистов К. Ромметвейта и Б. Уайна (Rommetveit & Wynne, 2017) подчеркивается связь между воображением публики и воображаемой публикой (public imaginations и imagined publics соответственно). Для демонстрации этой связи они, вопреки оформившейся традиции, игнорируют «технонаучную мегафауну» — например, атомную энергетику и применение пестицидов в сельском хозяйстве, — которой обычно приписывается огромный потенциал влияния на глобальные процессы в сочетании с высокими уровнями неопределенности (ibid.: 134). В противоположность этому Ромметвейт и Уайн останавливаются на технологиях, претендующих на рутинное применение, вроде изготовления искусственного мяса через культивацию клеточных культур. Этот проект легитимируется и через научные прогнозы, связанные с продуктивностью агроэкосистем и изменением климата, но также и через индивидуальные вкусовые предпочтения (ibid.).

Примеры такого рода демонстрируют специфику постнормальной науки, призванной прежде всего обеспечить устойчивое развитие общества, а не сформулировать истинное высказывание о мире. В рамках такой науки практически невозможно обнаружить «твердое ядро научной рациональности» (Порус и Бажанов, 2021). Модели, предсказывающие то, как замена мяса на его альтернативы замедлит глобальное потепление, легко могут оказаться фикцией: искусственное мясо может просто не понравиться людям, и его влияние останется нулевым. Этот же пример демонстрирует, что экспертизу во многих случаях невозможно разбить на дескриптивный и нормативный этапы или на 1) агрегацию научного консенсуса и 2) публичное обсуждение альтернатив (Тухватулина, 2021: 60), ведь научный консенсус и прогноз уже включают в себя представления о поведении, интересах и вкусах воображаемой публики.

Рассуждая о том, как конституируется это мнение, Ромметвейт и Уайн обращаются к концепции публичного воображения (воображения публики) Ч. Тейлора, согласно которой общность образов создает общественный консенсус в области значений, что обеспечивает функционирование публичной сферы (Taylor, 2002). Действительно, медийные отражения публичных дискуссий часто выглядят так, будто публика придерживается одного-единственного или двух альтернативных символических порядков. Однако декларируемое экспертами единство публичного воображения часто оказывается результатом практик исключения, замал-

чивания или создания эхо-камер, в которых альтернативное мнение если и звучит, то для того, чтобы быть демонстративно опровергнутым (Dawson, 2018).

Фиксируемым публичным воображением обладает лишь воображаемая публика — тот совокупный образ людей с улицы, который рисуется в рамках обоснования конкретных технаучных проектов. Например, экспертные интервью по поводу признания редактирования человеческого генома этичным апеллируют к якобы уже сформированной общественной заинтересованности (Wienroth and Scully, 2021). Британские эксперты, выступающие за разработку этой технологии, ссылаются на сотни тысяч людей, ставших донорами местных биобанков ради расшифровки собственного генома. Доноры считаются абсолютными оптимистами в отношении любых генетических технологий, постоянно ожидающими появления биомедицинских новшеств. При этом собственно медицинское научное знание играет для конструирования воображаемой публики подчиненную роль. Эксперты, создающие ее образ, уверены в результатах еще не начавшегося биомедицинского исследования — в том смысле, что, как представляется, они обязательно принесут общественное благо, а любые препятствия на этом пути носят только инженерный характер (*ibid.*: 793).

Российский специалист по биоэтике Р. Р. Беялетдинов, отталкиваясь от текста Ромметвейта и Уайна, утверждает, что апелляция к воображаемой публике может использоваться для привлечения финансовой и административной поддержки к разработкам «избыточных» технологий — тех биомедицинских технологий, которые предполагается применять вне сфер здравоохранения или защиты окружающей среды (Беялетдинов, 2018). Так, воображаемой публике может быть приписан интерес к искусственному мясу вне связи с его влиянием на здоровье или изменение климата. Несмотря на то что такой образ публики выглядит менее ценностно нагруженным, он все же включает в себя нормативные представления о вегетарианстве как о стиле жизни. Такого рода уход от этической оценки в сферу рассуждений о вкусе и стиле жизни сегодня оказывается предметом внимания представителей критической теории, речь о которых пойдет в заключительном разделе.

В любом случае воображаемая публика — это предмет раздора между сторонниками определенной линии развития биомедицинских наук (например, редактирования генома) и членами этического комитета. Первые говорят о потребностях, предпочтениях и желаниях воображаемой публики, вторые — пытаются увидеть в этом манипулирование

надеждами людей. Данный сюжет экспертных дискуссий достаточно хорошо освещен по сравнению с темой о роли фигуры воображаемого ученого в регулировании исследовательской деятельности.

ВООБРАЖАЕМЫЙ УЧЕНЫЙ

Образ ученого как человека, обитающего в башне из слоновой кости и потому слабо представляющего реальные запросы общества, существует много веков. Его генеалогия достаточно полно изучена, а современные социальные исследования науки демонстрируют его неадекватность (Shapin, 2012). Однако то, какую роль наряду с воображаемой публикой играет воображаемый ученый в сфере регулирования исследовательской деятельности, детально рассматривается лишь в одной работе, написанной тремя норвежскими социологами науки и технологии (Åm et al., 2021). Несмотря на то что образ башни из слоновой кости редко применяется эксплицитно, администраторов и организаторов науки беспокоит возможность ученых уйти от ответственности через указание на специфику своей деятельности. Раз исследователи всегда имеют дело с чем-то новым и неопределенным, любые их прогнозы или результаты применения созданных ими технологий оказываются иммунными к этической критике.

Члены этических комитетов в большинстве своем сами являются исследователями в сфере биомедицины, поэтому, как кажется, они могут обращаться к собственной практике, а не к воображаемым фигурам ученых. Однако ситуации, в которых в дело вступают именно воображаемые фигуры, возможны и здесь. В рамках упомянутой в начале статьи российской дискуссии о редактировании генома врачи-генетики критикуют биолога, специалиста по биотехнологии, выступившего с инициативой по проведению экспериментов с человеческими эмбрионами и половыми клетками, — и критикуют именно за низкий уровень ответственности перед пациентами. На более рутинных заседаниях этических комитетов критикуют исследователей, работающих в фармацевтической индустрии, за то, что они легко могут ввести в заблуждение испытуемых, а потом уйти от ответственности.

Профессиональная близость членов этического комитета и исследователей, обратившихся туда за одобрением своей заявки, не исключает того, что в дело вступит фигура воображаемого ученого, не обремененного ответственностью перед обществом. При этом для ее появления всегда уже необходима воображаемая публика. Этический дефицит

воображаемого ученого заключается именно в использовании эпистемических дефицитов воображаемой публики. Для проведения биомедицинского исследования, получения нового медицинского знания ученые нуждаются в положительной этической оценке своего намерения. В то же время эта оценка строится на представлениях об эпистемической состоятельности испытуемых и публики в целом. Этические и эпистемологические представления оказываются вшиты одно в другое, и любая попытка четко разделить их на консенсус о фактах и консенсус о ценностях обречена на провал, по крайней мере в случае с биомедицинскими исследованиями.

Члены этического комитета вынуждены судить «своих» (ученых), представляя при этом «чужих» (испытуемых и публику в целом). При этом зачастую на них накладывается требование ценностной нейтральности (Wertheimer, 2012), призванное исключить воображение и представительство из процесса принятия решений. Однако более реалистичным и продуктивным кажется противодействие не нормативно нагруженному воображению как таковому, а только дефицитному характеру образов публики и ученого. Представляется, что программа критики форм жизни, развиваемая в последние годы продолжателями традиций Франкфуртской школы, может обозначить некоторую перспективу нормативной оценки за пределами дефицитных образов и моделей.

КРИТИКА ФОРМ ЖИЗНИ: СУДИТЬ И ПРЕДСТАВЛЯТЬ

В последние годы критические философы вернулись к характерному для первого поколения Франкфуртской школы признанию того, что суждения о фактах и о ценностях могут быть отделены друг от друга лишь формальным и искусственным образом. В этом смысле знаковой оказалась книга Р. Джегги «Критика форм жизни» (Jaeggi, Stonin, 2018) и развернувшиеся вокруг нее дискуссии. Джегги — ученица А. Хоннета, долгое время возглавлявшего Франкфуртский институт социальных исследований. Она довольно резко разрывает с критической традицией рубежа XX–XXI века, во многом строящейся вокруг работ Ю. Хабермаса. В них, как и в либеральных правовых концепциях (например, Дж. Раза), Джегги видит главные источники «этической абстиненции», воздержания от нормативных суждений, характерных для современной социальной мысли (ibid.: 19–31). По мнению Джегги, такая абстиненция выхолащивает общественную значимость философии, к тому же она сама является нормативно нагруженной.

В книге «Критика форм жизни» не поднимаются собственно биоэтические вопросы. Однако и хабермасовское отделение этики от морали, и декларируемое Разом и Р. Дворкиным требование ценностной нейтральности регулирования сыграли важную роль в структурировании биоэтических дискуссий (см. например, *Dubljević, 2019: 21–23*). Поэтому критика этих концепций у Джегги оказывается актуальной для нашего анализа.

Несмотря на различия в понимании источников правовой нормативности, и Дворкин, и Раз утверждают соответственно, что регуляторные решения «должны быть свободны от любой конкретной концепции благой жизни» (*Dworkin, 1985: 191*) и что значение человеческой автономии может быть обосновано не через отсылку к некоторым этическим представлениям, а через успех обществ, которые защищают автономию как свободу выбора (*Raz, 1986: 394*).

Хабермас, по мнению Джегги, льет воду на ту же мельницу этической абстиненции. Он настаивает на жестком разделении универсальных моральных принципов и этических установок, определяющих идентичность отдельных социальных групп или форм жизни. Все, что имеет отношение к последним, не может подвергнуться ни рациональному рассмотрению, ни обоснованной критике (*Habermas, 1991: 47*).

Джегги считает, что этическая абстиненция обезоруживает попытки справиться со сложными социальными проблемами. Например, она позволяет заметить лишь очевидные проявления насилия над детьми в семье, игнорируя повседневные практики подавления (*Jaeggi, Cronin, 2018: 151–160*). Отключение нормативно нагруженного воображения лишь маскирует принятие определенной моральной позиции, «заставляя концентрироваться на том, что признается фактом». При этом этическая оценка в любом случае имеет дело со сферой возможного — именно там зачастую пролегает граница допустимого и недопустимого. Кроме того, отключение воображения не позволяет представить и понять разнообразие форм социальной жизни.

В плане биоэтической экспертизы можно признать, что именно такого рода абстиненция позволяла на протяжении десятилетий игнорировать антигуманный эксперимент в Таскиги. Автономия, свобода выбора формально не была отнята у испытуемых, а экспериментаторы соблюдали минимальное моральное требование непричинения вреда. Скорее к ним можно предъявить претензии за игнорирование формы жизни — специфики сообщества испытуемых: бедных, слабообразованных, уязвимых людей, исключенных из многих сфер жизни.

Джегги указывает на необходимость понимать и представлять формы жизни, не бояться давать им нормативные характеристики. Говоря о формах такой оценки, она обращается к проекту возрождения этики добродетелей А. Макинтайром. Но основной источник такой нормативности для Джегги остается эпистемологическим: порочны те формы жизни, которые блокируют свои собственные и чужие познавательные возможности (Jaeggi, Cronin, 2018: 315).

В течение последовавшей за выходом книги дискуссии была отмечена сложность применения этого критерия к любым социальным взаимодействиям (Pensky, 2018). Еще более важные для нашего рассмотрения замечания касались характерного для книги противопоставления естественного и культурного порядков определения форм жизни. В таком жестком разграничении можно увидеть возврат к различению (стремление критиковать которое и демонстрирует Джегги) фактических высказываний о природе и этически нагруженных высказываний об обществе. Социальные практики, формирующие жизнь, во многом строятся вокруг природной агентности (Gregoratto, 2021). Ликвидация последствий урагана в Новом Орлеане и исследования сифилиса в Таскиги высветили социальные патологии, о причинах или последствиях которых могут компетентно высказываться только представители наук о природе: метеорологи или врачи. Но это не значит, что такие высказывания можно представить себе ценностно нейтральными. Для того чтобы врачи могли оценить ущерб от эксперимента в Таскиги, сначала должен быть поставлен вопрос о таком ущербе, а это, в свою очередь, уже предполагает признание расовой дискриминации, исключения и замалчивания. Такая его постановка требует представлять — воображать и артикулировать — интересы тех форм жизни, о которых идет речь. Вынесение нормативного суждения невозможно без такого представительства.

Этические комитеты не могут функционировать без судебного нормотворчества. К несчастью, часто сочетание представительной и судебной функций мобилизует использование дефицитных моделей: в них воображаемые исследователи фигурируют как обладатели этического дефицита, а воображаемая публика, испытуемые, — как обладатели дефицита эпистемического. Однако противодействие дефицитной логике может приобретать формы этической абстиненции, отключающей возможности ценностно нагруженного воображения. При этом сам такой отказ идеологически ангажирован. Представленная выше альтернатива, заключающаяся в воображении, понимании и критике форм жизни, лишь

намечает общую перспективу, позволяющую сочетать представительство с вынесением нормативных суждений. Такое сочетание особенно актуально в свете продолжающихся дебатов о моральном биоулучшении (Rakić, 2022) и редактировании человеческого генома (Savulescu and Alonso, 2022). Эти направления биомедицинских изысканий предполагают изменение форм человеческой жизни. А значит, при их этической оценке необходимо представить то, как их появление скажется на жизни общества, и то, чьими интересами могут руководствоваться члены еще не институционализированных исследовательских групп.

ЛИТЕРАТУРА

- Белялетдинов Р. Р.* Биотехнологическое моральное улучшение человека // Человек. — 2018. — № 6. — С. 33–38.
- Кржевов В. С., Тухватуллина Л. А.* Рациональность как фундаментальное понятие философии права — о духе и букве закона // Вопросы философии. — 2019. — № 1. — С. 26–30.
- Порус В. Н., Бажанов В. А.* Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 15–33.
- Тухватуллина Л. А.* Нормативная модель политически нейтральной экспертизы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 57–64.
- Åm H., Solbu G., Sørensen K. H.* The Imagined Scientist of Science Governance // Social Studies of Science. — 2021. — No. 2. — P. 277–297.
- Betz G.* In Defence of the Value Free Ideal // European Journal for Philosophy of Science. — 2013. — Vol. 3, no. 2. — P. 207–220.
- Chalmers D.* Biobanking and Privacy Laws in Australia // The Journal of Law, Medicine & Ethics. — 2015. — Vol. 43, no. 4. — P. 703–713.
- Cyranoski D.* Russian “CRISPR-baby” Scientist Has Started Editing Genes in Human Eggs with Goal of Altering Deaf Gene // Nature. — 2019. — Vol. 574, no. 7779. — P. 465–467.
- Dawson E.* Reimagining Publics and (non) Participation : Exploring Exclusion from Science Communication Through the Experiences of Low-income, Minority Ethnic Groups // Public Understanding of Science. — 2018. — Vol. 27, no. 7. — P. 772–786.
- Desmond H., Dierickx K.* Research Integrity Codes of Conduct in Europe : Understanding the Divergences // Bioethics. — 2021. — Vol. 35, no. 5. — P. 414–428.
- Dubljević V.* Neuroethics, Justice and Autonomy : Public Reason in the Cognitive Enhancement Debate. — Heidelberg : Springer, 2019.
- Dworkin R.* Liberalism. A Matter of Principle. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985.

- Gillott J.* Precautionary Governance, Participation, Engagement, Tissue and Research // *Bioscience, Governance and Politics*. — London : Palgrave Macmillan, 2014. — P. 97–113.
- Gregoratto F.* Capitalism and the Nature of Life-forms // *Critical Horizons*. — 2021. — Vol. 22, no. 2. — P. 150–161.
- Habermas J.* Was macht eine Lebensform „rational“? // *Erläuterungen zur Diskursethik*. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1991. — S. 31–48.
- Hetherington S.* How to Know : A Practicalist Conception of Knowledge. — Chichester, West Sussex : John Wiley & Sons, 2011.
- Holm S.* The Job of “Ethics Committees” Should be Ethically Informed Code Consistency Review // *Journal of Medical Ethics*. — 2018. — Vol. 44, no. 7. — P. 488.
- Jaeggi R.* Critique of Forms of Life / trans. from the German by C. Cronin. — Cambridge, London : Harvard University Press, 2018.
- Klatt M., Schmidt J.* Epistemic Discretion in Constitutional Law // *International Journal of Constitutional Law*. — 2012. — Vol. 10, no. 1. — P. 69–105.
- Lai J. C.* D’Arcy v. Myriad Genetics : A Demand for the “Made” or “Non-Information” and Clear Subject Matter? // *IC – International Review of Intellectual Property and Competition Law*. — 2016. — Vol. 47. — P. 537–568.
- Moore A., Donnelly A.* The Job of “Ethics Committees” // *Journal of Medical Ethics*. — 2018. — Vol. 44, no. 7. — P. 481–487.
- National Statement on Ethical Conduct in Human Research / NHMRC. — 2007. — URL: <https://www.nhmrc.gov.au/about-us/publications/national-statement-ethical-conduct-human-research-2007-updated-2018> (visited on Oct. 20, 2022).
- Pensky M.* In Search of the Negative in Rahel Jaeggi’s Kritik von Lebensformen // *From Alienation to Forms of Life* / ed. by A. Allen, E. Mendieta. — Pennsylvania : Penn State University Press, 2018. — P. 76–97.
- Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment : Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2016.
- Rakić V.* “Involuntary (Moral) Bioenhancement” Can Add Value to the Debate on Human Germline Genome Editing // *The American Journal of Bioethics*. — 2022. — Vol. 22, no. 9. — P. 54–56.
- Raz J.* The Morality of Freedom. — Oxford : Clarendon Press, 1986.
- Reverby S. M.* More than Fact and Fiction : Cultural Memory and the Tuskegee Syphilis Study // *Hastings Center Report*. — 2001. — Vol. 31, no. 5. — P. 22–28.
- Rommetveit K., Wynne B.* Technoscience, Imagined Publics and Public Imaginations // *Public Understanding of Science*. — 2017. — Vol. 26, no. 2. — P. 133–147.
- Sandel M. J.* Justice : What’s the Right Thing to Do? — New York : Farrar, Straus, Giroux, 2009.
- Savulescu J., Alonso M.* Is Gene Editing Harmless? Two Arguments for Gene Editing // *The American Journal of Bioethics*. — 2022. — Vol. 22, no. 9. — P. 23–28.
- Shapin S.* The Ivory Tower : The History of a Figure of Speech and Its Cultural Use // *British Journal for the History of Science*. — 2012. — Vol. 45, no. 164. — P. 1–27.

- Taylor C.* Modern Social Imaginaries // *Public Culture*. — 2002. — No. 14. — P. 91–124.
- Toulmin S.* The Tyranny of Principles // *Hastings Center Report*. — 1981. — Vol. 6, no. 11. — P. 31–39.
- Wertheimer A.* Voluntary Consent : Why a Value-neutral Concept Won't Work // *Journal of Medicine and Philosophy*. — 2012. — Vol. 37, no. 3. — P. 226–254.
- Wienroth M., Scully J. L.* Promissory Ethical Regimes : Publics and Public Goods in Genome Editing for Human Health // *Science and Public Policy*. — 2021. — Vol. 48, no. 6. — P. 788–798.

Shevchenko, S. Yu. 2023. "Eticheskaya ekspertiza v nauke mezhdru voobrazhayemoy publikoy i voobrazhayemymi uchenymi [Ethics Expertise between Imagined Publics and Imagined Scientists]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (1), 299–316.

SERGEY SHEVCHENKO

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-7935-3444

ETHICS EXPERTISE BETWEEN IMAGINED PUBLICS AND IMAGINED SCIENTISTS

Submitted: Sept. 20, 2022. Reviewed: Oct. 21, 2022. Accepted: Nov. 24, 2022.

Abstract: The notion of value-neutral or at least independent scientific expertise is mainly based on the distinction between statements of facts and value judgement. The functioning of ethics committees, in particular bioethics committees, demonstrates that this separation is doomed to fail. These committees are supposed to regulate the production of new scientific knowledge through appeal to extra-scientific, non-epistemic values. In making regulatory judgments, the committees find themselves on the edge of a tension between "cognitive democracy" and epistemic inequality. Committees have a duty to represent the interests of the public, protecting its dignity and freedoms from possible abuse from researchers. At the same time, the committees, by conducting an "internal" judgment on the ethical permissibility of research projects, remain part of scientific groups and institutions. However, members of ethics committees often imagine academic colleagues as having an incomplete, deficient view of the public good. The committees find themselves in a field of conflict between the epistemic deficits of the imagined public and the ethical deficits of imagined scientists. However, counteracting this double deficit logic can take the form of an ethical abstinence that shuts down the possibilities of value-laden imagination. Moreover, such withdrawal itself is ideologically engaged. The program of "critique of forms of life" can be seen as setting the overall perspective of combining representation with the possibilities of normative judgment. This combination is particularly relevant in light of the ongoing debates about moral enhancement and human genome editing, since both areas of biomedical inquiry involve biotechnological and social transformation of human forms of life.

Keywords: Ethics Expertise, Value Neutrality, Imagined Public, Public Good, Genome Editing, Forms of Life.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-299-316.

REFERENCES

- Åm, H., G. Solbu, and K. H. Sørensen. 2021. "The Imagined Scientist of Science Governance." *Social Studies of Science*, no. 2, 277–297.
- Belyaletdinov, R. R. 2018. "Biotehnologicheskoye moral'noye uluchsheniye cheloveka [Biotechnological Moral Enhancement]" [in Russian]. *Chelovek [Human]*, no. 6, 33–38.
- Betz, G. 2013. "In Defence of the Value Free Ideal." *European Journal for Philosophy of Science* 3 (2): 207–220.
- Chalmers, D. 2015. "Biobanking and Privacy Laws in Australia." *The Journal of Law, Medicine & Ethics* 43 (4): 703–713.
- Cyranoski, D. 2019. "Russian 'CRISPR-baby' Scientist Has Started Editing Genes in Human Eggs with Goal of Altering Deaf Gene." *Nature* 574 (7779): 465–467.
- Dawson, E. 2018. "Reimagining Publics and (non) Participation: Exploring Exclusion from Science Communication Through the Experiences of Low-income, Minority Ethnic Groups." *Public Understanding of Science* 27 (7): 772–786.
- Desmond, H., and K. Dierckx. 2021. "Research Integrity Codes of Conduct in Europe: Understanding the Divergences." *Bioethics* 35 (5): 414–428.
- Dubljevic, V. 2019. *Neuroethics, Justice and Autonomy: Public Reason in the Cognitive Enhancement Debate*. Heidelberg: Springer.
- Dworkin, R. 1985. *Liberalism. A Matter of Principle*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gillott, J. 2014. "Precautionary Governance, Participation, Engagement, Tissue and Research." In *Bioscience, Governance and Politics*, 97–113. London: Palgrave Macmillan.
- Gregoratto, F. 2021. "Capitalism and the Nature of Life-forms." *Critical Horizons* 22 (2): 150–161.
- Habermas, J. 1991. "Was macht eine Lebensform 'rational'?" [in German]. In *Erläuterungen zur Diskursethik*, 31–48. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hetherington, S. 2011. *How to Know: A Practicalist Conception of Knowledge*. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons.
- Holm, S. 2018. "The Job of 'Ethics Committees' Should be Ethically Informed Code Consistency Review." *Journal of Medical Ethics* 44 (7): 488.
- Jaeggi, R. 2018. *Critique of Forms of Life [Kritik von Lebensformen]*. Trans. from the German by C. Cronin. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Klatt, M., and J. Schmidt. 2012. "Epistemic Discretion in Constitutional Law." *International Journal of Constitutional Law* 10 (1): 69–105.
- Krzhevov, V. S., and L. A. Tukhvatulina. 2019. "Ratsional'nost' kak fundamental'noye ponyatiye filosofii prava—o dukhe i bukve zakona [Rationality as a Fundamental Notion of Legal Philosophy]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 1, 26–30.
- Lai, J. C. 2016. "D'Arcy v. Myriad Genetics: A Demand for the 'Made' or 'Non-Information' and Clear Subject Matter?" *IC—International Review of Intellectual Property and Competition Law* 47:537–568.
- Moore, A., and A. Donnelly. 2018. "The Job of 'Ethics Committees'." *Journal of Medical Ethics* 44 (7): 481–487.

- “National Statement on Ethical Conduct in Human Research.” 2007. NHMRC. Accessed Oct. 20, 2022. <https://www.nhmrc.gov.au/about-us/publications/national-statement-ethical-conduct-human-research-2007-updated-2018>.
- Pensky, M. 2018. “In Search of the Negative in Rahel Jaeggi’s Kritik von Lebensformen.” In *From Alienation to Forms of Life*, ed. by A. Allen and E. Mendieta, 76–97. Pennsylvania: Penn State University Press.
- Pocock, J. G. A. 2016. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Porus, V. N., and V. A. Bazhanov. 2021. “Postnormal’naya nauka [Post-Normal Science]: mezhdustsillov neopredelennosti i Kharibdoj politizatsii znaniya [Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4): 15–33.
- Rakic, V. 2022. “‘Involuntary (Moral) Bioenhancement’ Can Add Value to the Debate on Human Germline Genome Editing.” *The American Journal of Bioethics* 22 (9): 54–56.
- Raz, J. 1986. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press.
- Reverby, S. M. 2001. “More than Fact and Fiction: Cultural Memory and the Tuskegee Syphilis Study.” *Hastings Center Report* 31 (5): 22–28.
- Rommetveit, K., and B. Wynne. 2017. “Technoscience, Imagined Publics and Public Imaginations.” *Public Understanding of Science* 26 (2): 133–147.
- Sandel, M. J. 2009. *Justice: What’s the Right Thing to Do?* New York: Farrar, Straus / Giroux.
- Savulescu, J., and M. Alonso. 2022. “Is Gene Editing Harmless? Two Arguments for Gene Editing.” *The American Journal of Bioethics* 22 (9): 23–28.
- Shapin, S. 2012. “The Ivory Tower: The History of a Figure of Speech and Its Cultural Use.” *British Journal for the History of Science* 45 (164): 1–27.
- Taylor, C. 2002. “Modern Social Imaginaries.” *Public Culture*, no. 14, 91–124.
- Toulmin, S. 1981. “The Tyranny of Principles.” *Hastings Center Report* 6 (11): 31–39.
- Tukhvatulina, L. A. 2021. “Normativnaya model’ politicheskoi neytral’noy ekspertizy [A Normative Model of Politically Neutral Expertise]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4): 57–64.
- Wertheimer, A. 2012. “Voluntary Consent: Why a Value-neutral Concept Won’t Work.” *Journal of Medicine and Philosophy* 37 (3): 226–254.
- Wienroth, M., and J. L. Scully. 2021. “Promissory Ethical Regimes: Publics and Public Goods in Genome Editing for Human Health.” *Science and Public Policy* 48 (6): 788–798.